

Попова Ирина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
llv82@mail.ru

Вострикова Варвара Сергеевна,

аспирантка кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Аксиологический потенциал прецедентных феноменов поэзии М. Волошина в творчестве Л. Е. Улицкой (на материале романа «Зеленый шатер»)

Аннотация. В статье рассматривается функциональность выражения «глухонемость» в романе Л. Е. Улицкой «Зеленый шатер», доказывается, что анализируемый интертекст, восходящий к библейским текстам, а затем произведениям классической литературы, обогащенный дополнительным смыслом в поэзии М. Волошина, используется автором «Зеленого шатра» как сверхличностный прецедентный феномен, важный для всей русской культуры и литературы; определяется его многоаспектная художественная выразительность и многофункциональность.

Ключевые слова: прецедентный феномен, функциональность, библейский интертекст, литературные интертексты, художественность, культурная идентичность.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

В романе Л. Е. Улицкой «Зеленый шатер» четко намечен лейтмотив «глухонемости» советского человека, тесно связанный с мотивами детского, сиротства, безотцовщины и духовной «недоразвитости личности», выраженной также биологическим термином «имаго» [1]. При этом понять смысл термина «глухонемость» невозможно не только без осознания совокупности названных выше мотивов, составляющих особую сюжетообразующую систему; но и понимания поэзии М. Волошина, в свою очередь восходящей в Ветхозаветным и Евангельским текстам.

Улицкая называет кульминационную главу своего романа «Демоны глухонемые», маркируя в такой сильной позиции текста, как заголовок, важность этой культурной отсылки к Библии и к сборнику Волошинских стихов 1919 года, так названному по одному из программных стихотворений. В названии символизируется связь разрушительной для личности сущности двух эпох: революционной 1917 года и сталинской репрессивной 1937 года. Произведения Волошина и Улицкой роднит не только философско-историческая направленность, но и сходная оценочность причин и последствий этих исторических событий.

Для Волошина знак «глухонемости народа» является библейским прецедентным феноменом в том смысле, который вносит в это определение Ю. Н. Караулов: «Прецедентные феномены – это выражения, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая предшественников и современников, и, наконец, такие; (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [2].

Для русской литературы «глухонемость» актуальна в познавательном и поэтико-эмоциональном планах для обозначения национального менталитета, она обладает ценностной значимостью благодаря присутствию данной Евангельской цитаты в творче-

стве М. Лермонтова, И. Тургенева, а также Ф. М. Достоевского, на роман которого ссылается М. Волошин в стихотворении «Трихины» (1917 г.) и «Русь глухонемая» (1918 г.) [3].

Л. Улицкая в «Зеленом шатре» сохраняет «возможность трансформирования данного прецедентного феномена в различных дискурсивных условиях» [4].

Прецедентный характер исследуемого феномена определяется выполняемыми им функциями: «быть средством художественной выразительности; быть маркером культурной идентичности; быть маркером определенной эпохи; быть маркером языковой личности определенного типа;

– быть средством активизации определенного комплекса культурно-специфических сведений о мире; быть средством апелляции к эмоциональной сфере; быть номинативным средством некоего сложно организованного фрагмента внеязыковой действительности, равнозначным по этой функции в ряде случаев нескольким макротекстам; быть способом активизации коллективного бессознательного» [5].

Как говорилось выше, интертекст М. Волошина привлекается Л. Улицкой для определения и понимания сути сталинщины в сопоставлении с эпохой начала XX века главными героями романа: Михея Меламида, Сани Стрелкова и Ильи Брянского [6].

Впервые Михе вспомнились строки из поэмы Волошина, когда произошел крах его профессиональной деятельности, когда его увлечение развитием речи у глухонемых детей-сирот наткнулось на стену идеологического фанатизма.

Актуализация «глухонемости» произошла у Михи, который долго жил рядом с двоюродной сестрой, представлявшей собой «слабоумное, еле ворочающее языком существо <...>. Она прожила свои двадцать семь лет» незаметно, никого не обременяя, и также незаметно ушла» [7]. Персонаж уверен, что достойно оплакивать нужно всякое живое существо, даже воробышка (аллюзия на стихотворение древнеримского поэта Катулла). «Глухонемость» выступает в данном случае как средство апелляции к эмоциональной сфере, демонстрирует «сверхжалостливость» героя.

Прецедентный феномен «глухонемость» становится также способом активации коллективного бессознательного, так как Михе, будучи по натуре поэтом, на подсознательном уровне стремится выразить в своих стихах духовный мир искалеченных сталинщиной сирот, лишенных отцов и ставших «детьми врагов народа», носителями страшной аббревиатуры ДВН.

Сам Михе тоже ощущает себя «глухонемым» и в жизни, и в творчестве, в поэзии, которую постоянно пытался «сочинять», сознавая, что это всего лишь «бедненькое, но вдохновенное сочинительство». Михе вначале нашел в интернате для глухонемых «атмосферу творчества и любви», поэзия была ключом, а затем наступило «удушье страха и безумия» [8]. Преображение любви к сиротам в атмосферу биезумия и ада произошло тогда, когда талантливый педагог Глеб Иванович прочел предложенные Михой запрещенные книги и, обвинив его в антисоветчине, донес на него в КГБ, впад при этом в явное безумие: «Михе сообразил, что перед ним сумасшедший. Михе понял, что это оживший Вольский из романа Даниэля «Искушение», о котором он ночью читал в самиздате, что он «погибающий герой Даниэля! Но ведь и этого Глеба Ивановича свела с ума все та же стихия. Демоны, демоны. Как там у Волошина?» [9].

Перед Михой буквально оживают волошинские произведения, он видит в них «глубокую правду жизни». И осознает (вслед за Достоевским и Волошиным), что «бесы Октябрьской революции» превратили народ в таких же, как они сами, «слепых и глухонемых». Персонаж цитирует стихи Волошина:

«Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,

И чертят знаки огневые

В распахивающейся мгле» [10].

Донос Глеба Ивановича по сути определил дальнейшую трагическую гибель Михи. Всплывает на поверхность библейский текст: «Если слепые ведут слепых, то все упадут в пропасть» [11].

Волошинская цитата получает в «Зеленом шатре» неожиданные смысловые коннотации: все персонажи в той или иной степени носят отсвет адского огня «глухонемости». Возникает Мандельштамовская переключка «Мы живем, под собою не чуя страны...», а ведь чуять – означает «слышать». Речь идет о притупленном чувстве восприятия реальности – «глухонемости».

Н. Н. Гашева точно подметила особенности применения интертекста в русской новейшей литературе: «Экзистенционально-ироническое отношение к человеку и его бытию реализуется через «игру» с классикой, и именно через этот диалог, на наш взгляд, реализуется в их творчестве восстановление утраченной преемственности с культурной традицией. В творчестве названных художников мы наблюдаем изображение процесса разложения духовного образа человека, смешение человека с внечеловеческим, элементарным. Но художественно осмысленное пребывание в культуре и стремление ее сохранить – а не нигилистическая жажда расквитаться с нею – делают творчество названных авторов ценным с точки зрения этой культуры. Изображение распада человека и «мусорного мира» вызывает всем ходом развертывания текста и исканиям духовного содержания жизни. Именно в этом плане отечественный постмодернизм оправдывает свой новый уровень исканий сравнительно с модернизмом начала XX в. и несомненную связь с культурной традицией русской классики. Только это целенаправленность и обеспечивает смысл исканий в области формы и языка» [12].

Еще один аспект художественной экспрессивности выражения «глухонемость» у Улицкой – ироническое описание жестоких «отработанных приемов КГБ. Илья говорит: «Самое лучшее – вообще ничего не говорить. Но от людей слышал, что это труднее всего. Они умеют разговорить глухонемого» [13]. Мишу это высказывание «прожгло». Он вспомнил о своей работе в интернате с глухонемыми детьми и осознал всю степень воздействия демонизма революции на разные стороны жизни.

И. П. Смирнов в монографии «Продолжение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака)» утверждал, что «интертекст – это художественные произведения, объединенные знаками-показателями явной текстуальной связи» [14], а интертекстуальность, в свою очередь, определяется в современной науке как «свойство художественного произведения формировать свой собственный смысл (полностью или частично) посредством ссылки на другой текст» [15].

Но «глухонемость» в романе «Зеленый шатер» явно обладает более широкой функциональностью, являясь библейским и литературным прецедентным феноменом уже в творчестве Максимилиана Волошина.

М. Волошин в «Автобиографии» признавался: «Все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой. Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся. Но в 17-м году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября, и в 1918г. я заканчиваю книгу о революции «Демоны глухонемые...» [16]. Поэт описывает состояние «онемения» от того, что:

На рву у места Лобного –

У церкви Покрова

Возносят неподобные
Нерусские слова.
Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат [17].

Революционеры, возносящие «непотребные нерусские слова», обладают по сути немотой: «молчат... проходят... ждут», как «духи мерзости и блуда» [18].

Русская ментальность отрицает «непотребное» словосочетание у людей, созданных по образу и подобию Божию». Стихотворение «Демоны глухонемые» предвещает цитата из «Ветхого завета» о духовной слепоте и глухоте, посланных Богом людям. Волошин вслед за Достоевским связывает революцию исключительно с бесовским наваждением:

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего [19].

Здесь маркируется цитата «Не ведают, что творят», являющаяся Библейским выражением. Волошин привлекает и Евангельский сюжет «Об исцелении бесноватого» в своем стихотворении «Русь глухонемая» (1918 г.)

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
С скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
– Изыди, дух глухонемой! –
Сказал Господь. И демон злой
Стояс его и с криком вышел –
И отрок понимал и слышал <...>
Не тем ли духом одержима
Ты, Русь глухонемая! [20].

Образ глухонемого бесноватого является также сквозным для стихотворения «Родина» (1918 г.). Поэт вновь повторяет слова Исаии в эпиграфе к этому произведению: «Каждый побрел в свою сторону, и никто не спасет тебя». «Родина» начинается почти дословным библейским цитированием:

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем [21].

Несмотря на пессимистическое начало, в финале стихотворения М. Волошин выражает уверенность в воскресении Руси:

Темны и неисповедимы
Твои последние пути
Но не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы [22].

Поэзия Волошина наполнена следующими инвариантами анализируемого прецедентного феномена: «безглазые времена», «вневременно», «слепой народ в годину гнева», «слепые дни затмения всех надежд» и многими другими. В них пре-

обладает все тот же Библейский смысл этого выражения: бесовство всегда слепое и глухонемое, поскольку не ведает истинных путей добра. Вспомним в связи с этим, что «Иисус запретил духу нечистому, сказав ему: «Дух немый и глухий! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» [23]. Это событие знаменательно тем, что оно было после схождения Христа с горы Фавор, где произошло преображение Господне, по сути означавшее удостоверение его Божественной ипостаси перед будущими Апостолами. Тем самым Иисус открыл сущность бесовства.

В стихотворении «Доблесть поэта» (1925 г.) вновь возникает символ «глухонемости», но в положительном смысле слова: Волошин формулирует в нем кредо современного поэта. Он призывает:

«В трезвом, тугом ремесле – вдохновенье и честь поэта:

В глухонемом веществе заострять запредельную зоркость» [24].

«Глухонемость» здесь противопоставлена мастерству творца, мудрому молчанию поэта. В стихотворении «Поэту» (1925 г.) он писал:

Я заклинал твои судьбы, Россия,

С углем на сердце, с кляпом во рту» [25].

Поэт после пережитых ужасов гражданской войны приобрел уверенность, что

«Есть дух истории – безликий и глухой,

Что действует помимо нашей воли» [26].

Сравним с Библией: «Ибо теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» [27].

Судьбы народов вершатся только на первый взгляд слепо, на самом деле в них скрыты «неисповедимые пути Господни». Справедливо подчеркнул исследователь: «Вообще вне библейской и христианской символики невозможно понять волошинское творчество этого периода и тем более оценить его и жертвенную жизнь. Невозможно вне этой символики понять русскую идею, прорастающую сквозь историческую почву в таких программных стихотворениях и поэмах, как «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании», «Россия», «Дикое поле»...» [28]. Поэтому не случайно, что концептуально важный для произведения Л. Улицкой библейский образ «глухонемости», десятки раз опосредованно через поэзию Волошина, возникает в «Зеленом шатре», обнаруживая целый спектр смысловых оттенков. Прав был Виктор Борисович Шкловский «Образы почти неподвижны; от столетия к столетию, из края в край, от поэта к поэту текут они, не изменяясь. Чем больше уясняете вы эпоху, тем больше убеждаетесь, что образы, которые вы считали созданными данным поэтом, употребляются им взятыми от других и почти неизменными» [29].

В творчестве Л. Улицкой анализируемый нами «неподвижный образ» вмещает множество аспектов, один из них – это функция, характеризующая главного героя Выражение «глухонемость» по отношению к стихам Михи Меламида характеризует его не только как поэта, но и как сердобольного человека, понимающего души «глухонемых детей революции». Ведь в школу для глухих Михи пошел преподавать для того, чтобы донести до бедных сирот «драгоценности поэзии и прозы» [30].

Простенькие стихи Михи очень напоминают примитивную речь самих глухонемых детей. Сравнение этого персонажа с Иосифом Бродским, приводимое в романе, показывает, что его стихи были «гениальным примитивизмом»: «Бродский еще не начал триумфального завоевания мира и не принудил его [Миху] своей длиннодышащей строкой и полнейшим презрением к этому «тик-так» и «бум – бум» приостановить бедненькое, но вдохновенное сочинительство» [31].

Здесь Л. Улицкая, вводя «интертекст судьбы» гениального поэта-изгоя, характеризует порывы Миши к созданию стихов как желание чистого сердца выразить себя: «От полноты сердца глаголят уста» [32]. Идущий далее варьированный интертекст из Библии намекает на чудеса, совершенные Иисусом Христом, возвышают жертвенную жизнь Миши и по отношению к его ученикам, и по отношению к семье тети Гени. Герой страстно хотел хотя бы помочь несчастным сиротам приобщиться к духовности: «Слепые пока не прозревали, глухие не слышали, глухонемые не говорили, но некоторые из них учились понемногу выговаривать слова и входили в закрытый для них мир... И какое это было счастье – вести их за руку!» [33].

Глухонемые дети стали в романе «Зеленый шатер» символом одураченного жестокой идеологией народа. К ним и «прикипело неосторожно распахнутое сердце» Миши. Он назвал их «Мычащее пламя», тем самым создав интертекстуальную отсылку, аллюзию на образы ягнят, которые входят в бессмертное стадо Христово. По мнению автора, неверующий Миша, как Христос: «И глухих делает слышащими, и немых – говорящими» [34], а значит эта жизненная «история, надо сказать, с евангельским оттенком» [35].

Аллюзия на преображающую человечество миссию Иисуса Христа подчеркивает интенцию повествователя, его желание представить своего персонажа как «всеобщего и милосердного», показать его всеобъемлющую способность к состраданию, подчеркнуть, что все прочие качества его характера оказывались в подчинении этой «всемирной жалости» [36].

Не случайно Миша уверяет жену (на свидании в тюрьме перед отправкой на этап) в его виновности перед всеми. «И все, что он успел ей сказать, – какая-то глупость в духе Достоевского: «перед всеми людьми за всех и за вся виноват», – уверяет Илья [37].

Повествователь комментирует этот эпизод так: «С этим чувством он и ушел на этап: виноват, во всем виноват ... перед Аленой, что оставил ее одну, перед друзьями, что не смог сделать ничего такого, что могло бы изменить положение вещей к лучшему. Перед всем миром, которому он был должен... Непостижимый, странный закон: «К чувству собственной вины склонны всегда самые невинные» [38].

Тема глухонемого народа прорывается в стихах Бориса Пастернака, которые приводит учитель Виктор Юльевич, изучая проблему «русского детства»:

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, всищут, – а слова
Являются о третьем годе [39].

Пастернаковская мысль для героев романа была очень убедительной потому, что говорила об искаженном нравственном развитии человека, который сдерживается несвободой тоталитарного режима. И Саня, думая о трагической судьбе Миши, приходит закономерно к символу «глухонемости»: «Миша, сиротство, родня, детство ужасное, эта Алена прозрачная, Господи, пахнет безумием, пахнет мычанием глухонемости, бедные, бедные все» [40]. Саня видит общее в судьбах всех своих друзей, а автор – всех персонажей книги, и это общая, тотальная «глухонемость» обозначает деформацию восприятия действительности.

«Глухонемыми» оказываются также интернированный крымские татары, приехавшие в Крым навестить могилы предков. Знаменательно, что к встрече с ними Мишу и Илью приводит память о поэте, «не похожем ни на кого», – Максимилиане Волошине. Во время их «паломничества на могилу Макса» происходит обретение зрения и слуха, проясняется суть «несвободы жизни». В результате прецедентный фе-

номен «глухонемость» становится в романе «Зеленый шатер» «номинативным средством сложно организованного фрагмента действительности», то есть способствует образованию фабулы, выступая как сюжетообразующий компонент произведения. Ведь в сюжетной фабуле романа поездка друзей в Коктебель к Волошину очень важна. Это было первое путешествие Миши, «паломничество на могилу к поэту», которого Миша обожал, знал все написанное им наизусть. Не случайно путешественников встречает живая «вдова Макса, Мария Степановна», вводя их в дом и называя их «своими» [41].

Максимилиан Волошин открыл для друзей роковую тему тотальной несвободы, деления граждан на «своих» и «чужих», определившую трагизм многих. «Чужими» оказались не только Саня, Миша и Илья, но и крымские татары, за право на возвращение в Крым которых Миша стал «воевать». Поэт Волошин таким образом способствовал единению людей, пробуждению сочувствия друг к другу на фоне безумных действий карательной «властной машины».

Интертекст биографии русского поэта стал реальной действующей силой в жизни главных героев романа «Зеленый шатер».

Таким образом, аксиологический потенциал прецедентного Библиейско-литературного феномена «глухонемость» многосторонне раскрылся в художественном тексте «Зеленого шатра» Л. Е. Улицкой, выполняя следующие функции: являясь средством художественной выразительности при описании исторических событий и судеб протагонистов; становясь маркером идентичности русской классической и новейшей литературы; выражая особенности и схожие черты различных исторических эпох; во многом определяя стройную сложность архитектурной системы романа и выражая центральную идею произведения: уверенность автора в возрождающей и преобразующей силе Русского слова, определяющего национальную идентичность многонациональных народов России.

Ссылки на источники

1. Попова И. М., Вуколова В. С. Функциональность интертекстуального контекста в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – Тамбов: № 4 (29) 2013. – С. 129.
2. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Караулов Ю. Н. Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 105.
3. Попова И. М. Прецедентные феномены в художественном дискурсе «женской прозы» // Современные проблемы филологии: Материалы I Международной научно-практической Интернет-конференции, 12 мая 2011 года. – ГОУ ВПО Тамб. гос. техн. ун-т. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2011 – С. 146.
4. Феномен прецедентности и преемственности культур. / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой и др. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 136.
5. Там же с. 206.
6. Попова И. М., Глазкова М. М. Средства выражения концептуального смысла в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» // Современные проблемы филологии: Материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции, 16 апреля 2012 года. – ГОУ ВПО Тамб. гос. техн. ун-т. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2012. – С. 129.
7. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011 – С. 115.
8. Там же с. 423.
9. Там же с. 433.
10. Там же с. 433.
11. Библия. Евангелие от Матфея: глава 15: 14. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/01/nz/01_mf.htm#glava15.

12. Гашева Н.Н. Динамика синтетических форм в культуре: Материалы Международной научной конференции: 11 – 14 ноября 2000 – М.: МГУ, 2000. – С. 252.
13. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011 – С. 475.
14. Смирнов И.П. Продолжение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). 2-е изд., испр. и доп./ Смирнов И.П. - СПб.: СПбГУ, 1995. – С. 66.
15. Кузьмина 2011: 21.
16. Волошин М.А. Пути России: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник. 1992. – С. 42.
17. Там же с. 20.
18. Там же с. 20.
19. Там же с. 24.
20. Там же с. 25.
21. Там же с. 25-26.
22. Там же с. 26.
23. Библия. Евангелие от Матфея: гл.17:18.// [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/acts/01/nz/01_mf.htm#1717.
24. Волошин М.А. Пути России: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник. 1992. – С. 163.
25. Там же с. 173.
26. Там же с. 198.
27. Первое послание к Коринфянам, глава 13// [Электронный ресурс] URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/53/13/>.
28. Зорин А. Пророк в своем отечестве. Вступительная статья. // Волошин М.А. Пути России: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1992. – С. 244.
29. Шкловский В.Б. О теории прозы. М. – 1983. – С. 10.
30. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011 – С. 419.
31. Там же с. 420.
32. Там же с. 418.
33. Там же с. 417.
34. Евангелие от Марка: гл. 7:37. // [Электронный ресурс] URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/41/07/#37>.
35. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011 – С. 91.
36. Там же с. 418.
37. Там же с. 481.
38. Там же с. 481.
39. Там же с. 104.
40. Там же с. 502.
41. Там же с. 459.

Irina Popova,

doctor of Philology, Professor, head of Russian language Department
FSBEI HPE «Tambov State Technical University», Tambov

llv82@mail.ru

Varvara Vostrikova,

postgraduate of Russian Philology department FSBEI HPE Tambov state
technical university, Tambov

**Axiological potential of precedent phenomena of M. Voloshin's poetry
in the novel «Green marquee» by L. Ulitskaya**

Abstract. The article concerns with the functionality of the expression «deaf-dumbness» in the novel «Green marquee» by L. Ulitskaya and states that the intertext under analysis comes from the Bible texts, classical literature enhanced by the supplementary sense of M. Voloshin's poetry. It is used by the author of «Green marquee» as a superpersonal precedent phenomenon of Russian literature and culture and the authors of the article define its multi-functionality and a variety of artistic expressiveness.

Key words: precedent phenomenon, functionality, biblical intertext, literature intertexts, artistry, cultural identity.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

9 772304 120142

2 5